

© 2012 г.

Н.И. БУХАРИН, И.С. ЯЖБОРОВСКАЯ

ЭДВАРД ГЕРЕК: ОТ КУРСА НА СОЦИАЛЬНУЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ К ЭКОНОМИЧЕСКОМУ КРИЗИСУ

Эдвард Герек (1913 – 2001) – деятель польского рабочего движения, политический и государственный деятель ПНР. В 1948 г. после 14 лет трудовой эмиграции, работы на шахтах Франции и Бельгии он вернулся в Польшу, где его пролетарское происхождение предопределило для него самую партийно-политическую карьеру. В 1949–1954 гг. секретарь, в 1957–1970 гг. первый секретарь воеводского комитета ПОРП в Катовицах, с 1954 г. член ЦК, с 1952 г. – депутат сейма, в 1954–1956 гг. – руководитель отдела тяжелой промышленности ЦК, в марте – октябре 1956 г. – секретарь ЦК, июле – октябре 1956 г., в 1959–1980 гг. – член Политбюро ЦК, с декабря 1970 по сентябрь 1980 г. – первый секретарь Польской объединенной рабочей партии (ПОРП).

* * *

“ЭТО БЫЛИ ГОДЫ СКИТАНИЙ В ЭМИГРАЦИИ, МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ”

Появление 6 января 1913 г. на свет мальчика в бедной шахтерской семье Яна и Паулины Герек, в горняцком поселке Поромбка Домбровского угольного бассейна, где на шахте “Казимеж-Юлиуш” трудились несколько поколений предков его матери, не обещало ему легкой и беззаботной жизни. Вскоре молодой отец погиб в забое, как и несколько родственников разных поколений этой шахтерской династии. Эдеку было четыре года, а сестре всего год, когда они остались на руках у матери. Одно из первых воспоминаний мальчика: он смачивает в тазу тряпки, которыми мать старается заткнуть щели в окнах и двери их скромного жилища, через которые из котельной шахты сочится ядовитый дым. Он остается дома нянчить сестренку, когда мама, получившая работу как вдова горняка с малыми детьми, на долгие часы уходит на шахту.

В 1919 г., через несколько месяцев после воссоздания независимого польского государства, мальчик идет в начальную школу и успевает закончить четыре класса, урывками стараясь читать книжки и временами забывая, к неудовольствию мамы, о разных домашних обязанностях. Жизнь становится все труднее. Мать снова выходит замуж. В 1923 г. семья в поисках лучшей жизни, как и многие польские шахтерские семьи, эмигрирует в “обетованную землю” – во Францию. Они скитаются по горняцким поселкам этой благополучной страны, но могут позволить подрастающему сыну учиться в польской и французской школах. А кроме того – заниматься спортом, организовать театральный кружок и стать в нем и актером, и режиссером-постановщиком “Бравого солдата Швейка” Я. Гашека, посещать кружок художественного слова. Однако вскоре отчим умирает от туберкулеза – бича горняков, усугубленного пребыванием в окопах

Бухарин Николай Иванович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

Яжборовская Инесса Сергеевна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН.

Первой мировой войны. 13-летний подросток сам вынужден искать работу. Добавив себе год, чтобы соответствовать французскому трудовому законодательству, он вместе с взрослыми шахтерами спускается в забой – загружать углем вагонетки. Заканчивает трудиться на шахтах, уже освоив профессию электрика и специалиста по подрывным работам.

Повзрослев, Герек признает, что его семья, тон в которой задал отец-социалист, и горняцкая среда воспитали в нем чувство рабочего достоинства и справедливости, уважения к семейным устоям. А трудовая биография, доброжелательность к людям, интернационализм и лояльность, навыки, вынесенные из французского рабочего движения, проложили ему путь к общественной деятельности и политической карьере. В 18 лет юноша вступает в компартию Франции, состоит в коммунистическом профсоюзе и МОПРе, работает в Культурно-просветительном товариществе среди польских горняков, составлявших в его шахте 60% занятых. Он отошел от религии, но и не заменил ее догмами “реального социализма”, уже не помышляя о возвращении в Польшу¹. Но судьба распорядилась иначе: в 1934 г., после четвертой или пятой организованной при его активном участии стачки, поднявшись после четырех дней протеста из забоя, он был задержан полицией. Поскольку он не имел французского гражданства, ему позволили только помыться и посадили в идущий в Варшаву поезд без права возвращения во Францию.

Польский горняцкий городок Загуже встретил его послекризисной безработицей (из 12 тыс. жителей 5 тыс. не имели работы) и нищетой. Люди добывали из отвалов и заброшенных шахт остаточный уголь, чтобы обогреться и как-то прокормиться. 13 недель молодой парень получал пособие по безработице, а затем был призван в армию. В своих воспоминаниях – интервью, уже на рубеже 90-х годов, Герек признался: “Это был один из труднейших периодов моей жизни. Я испытал много унижений и погряз в нищете. Если бы не двухлетняя воинская служба, даже не знаю, что бы я с собой сделал”².

В армии он приобрел профессии шофера и автомеханика. Однако после демобилизации все попытки устроиться на работу снова оказывались безуспешными. Наконец нашлось не требующее квалификации место на кирпичном заводе. Но там зарплату платили не деньгами, а кирпичами, которые продать было очень трудно, поскольку в строительстве царил застой. Пытавшийся заработать добычей угля в заброшенных, “диких”, смертельно опасных шахтах, он не успел установить связи с подвергавшейся жестким репрессиям (Гомулка получил тогда 7 лет тюрьмы) подпольной компартией Польши. В 1938 г. она была распущена Коминтерном, и это обстоятельство спасло его в Народной Польше от негативных политических последствий членства в КПП, поскольку эта партия была реабилитирована только в 1956 г.³

Огромных усилий стоило попасть в список горняков, направленных по двустороннему соглашению в 1937 г. в Бельгию. Попав в ее фламандскую часть, он тут должен был овладеть языком, прежде чем в 1938 г. вступил в компартию Бельгии. Поляки являлись третьей, после валонгов и фламандцев, национальной группой в компартии, каждый ее седьмой член был поляком. В годы Второй мировой войны он продолжил деятельность уже в коммунистическом подполье, с большим риском обеспечивая тротилом и динамитом акции саботажа. Снабжал продовольствием работавших в шахтах советских военнопленных и гражданских лиц, вывезенных на принудительные работы, а также одеждой и лекарствами тех, кто готовился к побегу в Арденны к партизанам. В конце 1944 г. Союз польских патриотов в Бельгии, одним из организаторов которого был Э. Герек, насчитывал 4 000 членов.

В 1945 г. Эдвард, возглавлявший польские группы компартии, руководивший политической деятельностью коммунистов среди польских эмигрантов, сплотил 13 граждан-

¹ *Rolicki J. Edward Gierek. Życie i narodziny legendy.* Warszawa, 2002, s. 23.

² *Rolicki J. Edward Gierek: przerwana dekada. Wywiad-rzeka.* Warszawa, 1990, s. 19.

³ *Ibid.*, s. 29.

ских, профессиональных и политических организаций, объединившихся в мае 1946 г. на съезде польской эмиграции в Бельгии под его руководством в Национальный совет поляков в Бельгии. Рабочий активист, сформировавшийся на Западе в среде польских коммунистов-эмигрантов, превратился в политического деятеля.

Поскольку репрессирование компартии Польши их не затронуло, в 1946 г. 75% из них были организационно переведены в укреплявшую свои позиции в стране Польскую рабочую партию. Стараниями Герека в разоренную войной Польшу из Бельгии вернулись более 10 тыс. поляков, в основном горняков. Руководство ППР искало пути переброски его во Францию для реанимирования партии и на этой территории, но французские власти не дали на это согласия.

Проработав во Франции и Бельгии 22 года, в середине 1948 г., 35-летний Эдвард с женой Станиславой и двумя маленькими сыновьями Адасем и Юреком вновь оказался на родине. Шел процесс формирования новой – Польской объединенной рабочей партии. Его прикомандировали к ЦК в качестве инструктора и разместили в пятиместной комнате общежития. В разрушенной Варшаве жилья для семьи не нашлось и ее пришлось оставить в Загуже. Однако в ходе множества кадровых перестановок его определили на “первую линию огня” – на место врио руководителя организационного отдела ЦК. Бесчисленные собрания и заседания, скука и переутомление партийного бюрократа толкнули его на активный протест. И тут решился вопрос с квартирой и семьей. А вскоре он был вместе с двумя тысячами партийных функционеров направлен по линии партийного образования на двухлетние курсы Центральной партшколы в Лодзи, где учили “прежде всего основам марксизма в его сталинской версии”: “нашей Библией, – свидетельствовал позже Герек, – был Краткий курс ВКП(б), а кроме того, нас учили политэкономии социализма, а также, что было интересно, философии, логике, риторике”⁴. После занятий он с удовольствием пел в хоре. У него был приличный бас.

В конце первого квартала 1951 г. обучение было внезапно прервано, когда полуголодные горняки технически отсталого Домбровского бассейна ответили на раздутые планы добычи угля и увеличение до 8 с половиной часов рабочего дня, увольнения на время отпуска или болезни, и т. п., забастовкой отчаяния, несколько дней отказываясь выходить из шахт и угрожая сбросить в шахту каждого, кто попытается сорвать их борьбу. Именно Герек как опытному рабочему лидеру было предложено немедленно попытаться уговорить горняков “Казимежа-Юлиуша”, шахты, на которой он вырос, прекратить забастовку, иначе будет начата ее насильственная пачификация. Это привело его в ужас. Спустя несколько часов он уже спускался в шахту. Его не хотели слушать, требовали сбросить вниз. Он сам так описал эту сцену: “Я тогда громко, как мог, закричал: “Кого вы хотите сбросить в ствол, меня? Тут крови моих отцов пролито уже много. Погиб мой отец, дед, мои родные, а вы теперь меня хотите сбросить в ствол!”. Стало тихо. И я крикнул: “Герек меня зовут, тут есть мои родственники, они подтвердят, что я говорю правду... Думаете, что только вы можете организовать стачки, я тоже организовывал..., только против чужих, против капиталистов, а за вашу стачку будем платить мы все”... Я говорил на горняцком жаргоне... меня начали слушать, задавать вопросы и через несколько часов убеждения и споров они согласились выехать наверх... Все мы выходили из шахты с плачем”⁵. С другими шахтами пошло легче.

Однако вскоре эти партийные организации были распущены. Герек, заработавший авторитет в партийном аппарате и занявший пост секретаря воеводского комитета в Катовицах по организационным вопросам, а затем по экономике, для укрепления позиций избранный в 1952 г. депутатом от горняцкого Сосновца в Сейм, в 1953 г. – в ЦК ПОРП, а в 1954 г. решением Политбюро ЦК ПОРП возглавивший уже экономический отдел ЦК ПОРП, тяжело переживал этот удар по партийцам. Случалось, что он публично спорил со строкой В. Маяковского “Единица – вздор, единица – ноль”. Ценой неоднократных усилий, действуя настойчиво и последовательно, ему удалось добиться от Б. Берута

⁴ Ibid., s. 31.

⁵ Ibid., s. 33–34.

повышения зарплаты шахтерам и корабелам на 20%. Правда, затем это обернулось недовольством других, обойденных вниманием отрядов рабочего класса.

К 40 годам Герек, как заочник, получил диплом инженера и продвигался вперед в изучении русского языка.

ПУТЬ К ВЕРШИНАМ ВЛАСТИ

Партийная карьера популярного лидера из рабочих, немногословного, непритязательного, но ответственного и не участвовавшего во внутрипартийных разборках, не склонного к диктаторским методам, складывалась успешно. В марте 1956 г., в условиях “оттепели” после смерти Б. Берута и возвышения Э. Охаба на VI пленуме, он неожиданно для всех и прежде всего для себя самого (скромно напомнив, что никогда не работал на такой ответственной работе и имеет трудности с записыванием и формулированием мыслей⁶), в 45 лет вошел по рекомендации нового первого секретаря ЦК ПОРП, единогласно и открытым голосованием, почти на четверть века в секретариат партии в качестве одного из шести секретарей. В июле стал членом политбюро, а после октября 1956 г., заняв в марте 1957 г. пост первого воеводского секретаря в Катовицах, немедленно посетил бастовавшие в 1951 г. шахты и извинился за те события перед рабочими коллективами, успешно находя верный тон общения с переживавшими невзгоды кризиса горняками.

Э. Герек вырастал как крупный руководитель регионального масштаба, сочетая лоббирование увеличения инвестиций в тяжелую промышленность с продуманной социальной политикой. Его жизненной амбицией было строительство “социализма достатка”. Подводя итоги всей жизни, он скажет: “Во всей своей политической карьере защиту трудящихся от судьбы безработного я считал самым высшим наказом... Инвестиции были нужны не мне или моим коллегам, мы знали, что должны обеспечить рабочие места новым, многочисленным, здоровым и более образованным поколениям поляков. Решение этой задачи я считал своей миссией. На второе место я ставил строительство жилья, на третье – развитие производства предметов длительного потребления. Я стремился создать в нашей стране социалистическое общество потребления”⁷.

На политической арене соперничали две группы, Гереку же удавалось держать нейтралитет. С перемещениями в рамках партийной элиты Герек все больше осваивался с новой ролью: “политическая деятельность начала меня всасывать. Я не успел оглянуться, как оказалось, по мнению моих друзей и товарищей, что я им нужен. И так политика незаметно втянула меня в свое русло”⁸. Во время познанских волнений 1956 г., в ходе которых было 75 убитых и около 800 раненых демонстрантов, он был против применения оружия и старался мобилизовать партийный актив на успокоение протестных настроений, а потом маневрировал между сторонниками их оценки как контрреволюционного восстания под водительством агентов империализма и как бунта рабочих против деформаций социализма⁹. Обе эти оценки содержались в отчетах парторганизаций и он даже в начале 90-х годов не нашел однозначного ответа, зная, что по правилам политической борьбы того времени “виновным было принято считать партийное руководство”, “ибо в системе реального социализма ответственность первого секретаря была ответственностью за все”¹⁰. Он стал все чаще действовать по правилам регионального клана, укрепляя свои позиции в Катовицком воеводстве и верховодя в группе хозяйственной элиты страны. Во время политического кризиса марта 1968 г. он уже прибегал в своем регионе к угрозе применения силы, чтобы не допустить подобных варшавским массовых выступлений.

⁶ *Rolicki J.* Edward Gierek. Życie i narodziny legendy, s. 79.

⁷ *Rolicki J.* Edward Gierek: replika (Wywiad-rzeka). Warszawa, 1990, s. 195–196.

⁸ *Ibid.*, s. 196.

⁹ *Rolicki J.* Edward Gierek. Życie i narodziny legendy, s. 91.

¹⁰ *Rolicki J.* Edward Gierek: replika, s. 163; *Gierek E.* Smak życia. Pamiętniki. Warszawa, 1993, s. 76–77.

Власть была в руках тех, кто приехал из Советского Союза. Вторая группа, министра внутренних дел М. Мочара, объединяла так называемых "партизан", которые в годы войны боролись против оккупантов, а затем и с правым подпольем. Во второй половине 60-х годов на политическую арену вышла третья, катовицкая группа, названная так по городу Катовице – столице Силезского воеводства. Эту группу и возглавил первый секретарь воеводского комитета ПОРП Э. Герек.

Воеводство выделялось высоким уровнем промышленного развития, большей эффективностью хозяйствования, более гибким управлением, заботой о росте потребления, жилищном строительстве. Стиль работы Герека отличался открытостью, а местная организация ПОРП была самой многочисленной и активной. Имидж хорошего хозяина способствовал росту его авторитета в Москве. На выборах в сейм в июне 1969 г. Э. Герек получил чуть больше голосов, чем сам первый секретарь ПОРП В. Гомулка, которому история оставила для пребывания на этом посту всего несколько месяцев.

Волнения судостроителей Балтийского Побережья в декабре 1970 г., подавленные силой оружия, не только стали кульминацией трудного, противоречивого этапа развития страны, вступившей в полосу кризисов и конфликтов "реального социализма", но и принесли коренные кадровые перестановки в руководстве страны. Герек, переживавший обострение ситуации в Верхней Силезии, приехал в ночь на 19 декабря в Варшаву, где члены политбюро и секретариата согласовывали его кандидатуру на пост заместителя, а затем и первого секретаря ПОРП вместо Гомулки. На следующий день это решение одобрил ЦК, а Герек выступил по телевидению,

Для Герека начинался самый трудный период жизни. Чтобы подтвердить свое положение нового лидера партии и страны, он должен был прежде всего стабилизировать положение. Ситуация в руководстве партии, как констатировал Герек, оказалась весьма непростой: "Новое ПБ было с самого начала конгломератом людей разных позиций и взглядов, личных симпатий и антипатий. Одобрило ли бы ЦК другой состав? Не знаю, скорее сомневаюсь. Этот состав символизировал как продолжение, так и отрицание прежней политики... В одном политбюро, может, за исключением М. Мочара, было единодушно: конец с пролитием братской крови, оружие больше никогда не может быть использовано для разрешения социальных конфликтов. Это облегчало начало реформ". В сумме, "подбор людей не был совершенным, а в программе были серьезные пробелы и недостатки"¹¹.

Телевизионное выступление 20 декабря 1970 г., после его избрания первым секретарем ЦК ПОРП, когда он публично признал ответственность властей за кровавые события в Гданьске, несколько смягчило ситуацию. Балтийское побережье напоминало тлеющее пожарище. Ни у кого не было сомнений, что смена партийного и правительственного руководства произошла под давлением улицы. ПОРП находилась в отступлении. Партийным верхам стало ясно, что всевластие партии имеет свои границы. Генерал В. Ярузельский, по свидетельству Герека, "болезненно переживал участие войск в декабрьской трагедии"¹². Политические соперники, объединенные вокруг проигравшего и обозленного Мочара, давали Гереку на новом посту не более ста дней.

"Личная авторитарная власть, особенно в ситуации недоразвития внутрипартийной и общей социальной демократии, перерастала возможности одного человека"¹³, – писал в воспоминаниях Герек. В отличие от Гомулки, который в основном работал в кабинете, Герек избрал другой стиль, который обещал ему поддержку общества: он систематически выезжал на места и встречался с людьми, говорил об отмене повышения цен на продовольствие, о восстановлении разрушенного Королевского замка в Варшаве, рисовал планы инвестиций в популярную малолитражку и в производство "кока-колы".

¹¹ *Gierek E. Smak życia*, s. 90–91.

¹² *Ibid.*, s. 90.

¹³ *Ibid.*, s. 91.

Новый первый секретарь предложил такую манеру руководства и такую политику, которые явно контрастировали с предыдущим периодом: ведение диалога с людьми, встречи с ними на рабочих местах, на предприятиях и в учреждениях, общественные консультации по проектам решений и законов. Благодаря своей открытости и доброжелательности он умел установить контакты с рабочими: улыбался им, смотрел в глаза, похлопывал по плечу. Только за 1971 г. Герек посетил больше населенных пунктов, чем Гомулка за пять лет. Принятие ряда неотложных социальных мер (повышение низких зарплат, пенсий и семейных пособий, система премий за внеурочную работу, замораживание цен на продовольствие на два года, ускоренное панельное жилищное строительство и т.д.) получение определенного кредита доверия и поддержки своей политики позволяли снять социальную напряженность и приостановить дальнейшее углубление политического кризиса.

Поскольку с пустой государственной кассой населению предложить было ничего, Э. Гереку пришлось обратиться за помощью к советскому руководству. 5 января 1971 г. Герек прибыл в Москву с первым рабочим визитом. В отличие от Б. Берута, Э. Охаба и В. Гомулки он был первым главой польской партии, который не прошел подготовки в рамках коминтерновской “большевизации” кадров. Советское руководство с большим интересом присматривалось к новому польскому руководителю – коммунисту с западным опытом. Он сумел произвести хорошее впечатление: вел себя достойно и одновременно выглядел скромным человеком. Жестами и короткими репликами показывал свою деловитость и решительность. С одной стороны, от него веяло “польским гонором”, но, с другой, свою польскость он тесно переплетал с интернационализмом, умел красиво говорить о дружбе и сотрудничестве.

Между Л.И. Брежневым и Э. Гереком были хорошие отношения, которые сложились в середине 60-х годов, еще до “Пражской весны” и зарождения “доктрины Брежнева”. Во время съезда КПЧ Брежнев пригласил Герек как руководителя польской делегации отужинать вместе. В то время советский лидер был в расцвете сил, обладал даром равного и дружеского подхода к руководителям стран “социалистического сотрудничества”¹⁴. Он с симпатией относился и к Польше, и к Гереку, который у той первой встрече сам вспоминал так: “В ходе этой беседы Брежнев старался выразить свое расположение к Польше и полякам, и я думаю, что оно было искренним. Он сослался на польское происхождение своей матери, говорил о юношеской дружбе с поляками, живущими на Украине. Даже сказал несколько слов по-польски. С интересом впитывал информацию о Польше”¹⁵. Как подтверждает бывший президент Франции Валери-Жискар д’Эстен, польский язык “был в прямом смысле его родным языком, и с Гереком они нередко говорили по телефону по-польски”¹⁶.

Уже во время январской встречи 1971 г. в Москве Герек и П. Ярошевич представили состояние польской экономики как очень тяжелое. Они просили зерна, гарантированных поставок энергоносителей, сырья, валютных кредитов. Советские руководители обещали удовлетворить эти пожелания. Главное, считали в Москве, чтобы можно было приступить к решению бытовых проблем польского рабочего класса. Ссылаясь на угрозу роста социального недовольства в стране, польские руководители предприняли попытку снятия трудных вопросов, которые в нормальной ситуации они не решились бы даже поднять. В частности, они добились больших советских заказов на строительство судов на польских судостроительных заводах, которые уже во второй половине 1960-х годов стали нерентабельными. Гости всячески подчеркивали, что единственным шансом для Польши является сотрудничество с Советским Союзом. На второе место они ставили интеграцию в рамках СЭВ. Советские лидеры советовали польским коллегам разработать

---

¹⁴ *Kostikow P., Roliński B.* Widziane z Kremla. Moskwa – Warszawa. Gra o Polskę. Warszawa, 1992, s. 150–151.

¹⁵ *Gierek E.* Smak życia, s. 198.

¹⁶ *Д’Эстен В.Ж.* Власть и жизнь. М., 1990, с. 134.

новую концепцию социально-экономической политики¹⁷. А.Н. Косыгин поднял вопрос о необходимости сотрудничества советской и польской экономики с Западом, чтобы ускорить модернизацию. Он высказался за отход от прежней политики экономической, финансовой и технологической изоляции.

Добившись в Москве дополнительных поставок материальных ресурсов, новых кредитов и увеличения экспорта польских товаров, польское руководство почувствовало себя увереннее, стало решительнее справляться с трудностями. Однако январь – февраль 1971 г. все еще оставались трудными для Герека и его команды месяцами. Вновь в Щецине прекратила работу и была окружена вооруженной милицией судоверфь им. А. Варского. Вслед за ней забастовали другие крупные предприятия города. По требованию рабочих Герек и Ярошевич немедленно, в воскресенье 25 января, вылетели в Щецин и на такси, без милицейского сопровождения, подъехали к судоверфи. После некоторого замешательства рабочие открыли ворота и впустили гостей. В ходе десятичасовой драматической беседы Герек и Ярошевичу удалось склонить рабочих прекратить забастовку, а Герек сумел убедить их снять требование отмены повышения цен.

Чтобы закрепить успех, первый секретарь попросил организовать ему встречу с корабелами Гданьска и Гдыни. Герек, стараясь быть максимально убедительным, обратился к ним со словами: “Вы можете быть уверены, что мы все вылеплены из одной глины и у нас нет иной цели, как только развивать страну, укреплять социализм, улучшать условия жизни трудящихся. Если Вы нам поможете, думаю, что эту цель нам удастся вместе достичь. Так поможете?”. Раздались аплодисменты, а затем и дружные выкрики: “Поможем!”¹⁸ “Именно тогда, – вспоминал Герек впоследствии, – я дал себе слово, что никогда не использую вооруженной силы против собственного народа. Я обещал себе, народу и партии, что уже больше польский солдат и милиционер не будут стрелять в поляков”¹⁹. В памяти целого поколения остался бодрый выкрик, которым Герек с того момента завершал многие массовые мероприятия: “Поможете?” и слышал в ответ мощный хор голосов: “Поможем!”.

С этого времени Герек, убедительно продемонстрировав свои лидерские качества, показал, что он не только первый секретарь партии, но и государственный деятель, способный при прямом контакте с массами противостоять самым трудным вызовам, перестал быть провинциальным политиком. Он сознательно не остановился перед потерей своих политических очков, стараясь объяснить поведение Гомулки во время волнений на Побережье и выступал против его привлечения к суду. Осуждая роль Гомулки в декабре, Герек напоминал участникам встреч его важные заслуги в октябре 1956 г. и призывал оценивать справедливо фигуру бывшего первого секретаря. Если бы не лояльность в отношении предшественника, вхождение Герека во власть шло бы значительно легче.

Несмотря на то, что рабочих Балтийского побережья удалось успокоить, в феврале 1971 г. взбунтовались работницы текстильных фабрик Лодзи. Бастовали, требуя отмены повышения цен на продовольствие, несколько десятков тысяч человек. К ткачихам поехали премьер П. Ярошевич, секретари ЦК ПОРП Я. Шидляк и Ю. Тейхма. Встречи были очень драматичными: женщины жаловались на устаревшее оборудование – наследие XIX в., на обусловленные этим плохие условия труда, на низкие заработные платы и удручающую бедность. Их удалось убедить, что в казне нет денег и поэтому власти не в состоянии отменить повышение цен. Но ситуация не разрешалась. По просьбе Герека Ярошевич 15 марта 1971 г., во время заседания Политбюро ЦК ПОРП, позвонил в Москву и сообщил: “Разговаривал с Косыгиным. Советское правительство переправит на счет в одном из швейцарских банков 100 миллионов долларов”. Это позволило отменить повышение цен. Краткосрочный кредит пошел на закупку продовольствия на Западе и вскоре был возвращен Советскому Союзу.

¹⁷ *Kostikow P., Roliński B.* Widziane z Kremla, s. 152.

¹⁸ *Rolicki J.* Edward Gierek. Życie i narodziny legendy, s. 192.

¹⁹ *Rolicki J.* Edward Gierek: przerwana dekada, s. 72.

Социальный конфликт был на время снят²⁰. В общем, Герек умел договориться с рабочими, убедить их в искренности своих намерений добиться улучшения жизненного уровня трудящихся. Поляки с надеждой слушали первого секретаря, рассчитывали на него как на доброго, пекущегося о людях хозяина. Им казалось, что самое плохое позади, что материальная ситуация простых людей вскоре улучшится. 1971 год стал в Польше годом больших надежд, которые польскому руководству удалось на первых порах использовать в интересах развития страны.

Герек последовательно развивал социальную политику – уравнил отпуска рабочих и лиц умственного труда, подняв их до планки чиновников, ликвидировал налогообложение зарплаты, ввел по картам горняка, металлурга, учителя и т.д. отраслевые привилегии, право на ранний выход на пенсию, премии, бесплатные пансионаты и доступные санатории, дешевые детские сады, обязательное десятилетнее обучение и дешевое жилье. При рассмотрении в судах исков по поводу увольнений 75% дел решалось в пользу людей труда.

Польское руководство во главе с Гереком использовало кредит доверия польского общества, консолидируя его. В стране удалось создать благоприятный морально-политический климат. Тем самым были приведены в действие значительные людские резервы, которое прежнее руководство не было в состоянии задействовать. В первой половине 1970-х годов удалось обеспечить высокие темпы роста промышленного производства и национального дохода, а также реальной заработной платы и потребления – самых высоких за всю историю ПНР. Произведенный национальный доход возрастал в среднем в год на 9,8%, а распределяемый еще больше – на 12%, промышленное производство – на 14, потребление – на 8,7, реальные доходы населения – на 7,9, реальная заработная плата – на 6,0%. В целом в первой половине 1970-х годов доходы населения выросли на 46%. Это принесло неслыханный для Народной Польши тех лет рост жизненного уровня. Рост доходов был связан с быстрым ростом социальных выплат населению и доходов крестьян. В 1971–1975 гг. номинальные социальные выплаты – пенсии, стипендии, пособия выросли на 94% (ежегодно в среднем росли на 14,2%). Платные декретные отпуска увеличились с 12 до 18 месяцев. Был отменен подоходный налог на физических лиц. Граждане ПНР, единственные в социалистическом содружестве, имели право открывать валютные счета в Национальном банке. Потребление продуктов питания изменилось в пользу мяса и изделий из него, масла, яиц, сахара и чая. Происходило насыщение домашних хозяйств бытовой техникой длительного пользования – холодильниками, телевизорами и радиоприемниками. В начале 1970-х годов было более 450 тыс. личных автомобилей, в конце – 2,3 млн., т.е. в 5 раз больше.

Герек вынес из опыта прежних лет довольно демократические представления об организационной работе. В своей кадровой политике он стремился создать сыгранную команду, но не кланово-силезскую. Его другой демократический принцип: любые изменения в руководстве партии производятся коллективно, на основе голосования и в присутствии лиц, покидавших политбюро или секретариат ЦК. В 1971–1972 гг. политическая жизнь была несколько либерализована, активизированы политические институты и общественные организации. Всеми процессами руководила и контролировала их партия, цементируемая централизмом. Во главе партии стояло руководство, объединенное вокруг первого секретаря. Лояльность в отношении первого секретаря ЦК он считал необходимым элементом поведения членов своей команды. Критикуя Гомулку за создание института узкого руководства, Герек вскоре сам убедился, что такое ядро необходимо. В его состав в начале 1970-х годов входили вместе с Гереком Э. Бабюх, С. Кая, Ф. Шляхчиц, В. Ярузельский и П. Ярошевич. Уже в мае 1971 г., узнав о направленных против него шагах М. Мочара, он сумел обезопасить его: тот был отозван с поста секретаря ЦК и назначен председателем Высшей контрольной палаты (к своим соперникам Герек относился довольно мягко).

²⁰ Васильков Ю. Польский взгляд: Россия и Европа после коммунизма. М., 2004, с. 63.

При Гереке заседания Политбюро ЦК ПОРП носили более демократический характер, чем при Гомулке. Был определен постоянный день заседания политбюро. В них принимали участие секретари и члены секретариата ЦК. Эти заседания не стенографировались и не записывались на магнитофонную ленту. Решения политбюро, как правило, принимались путем согласований, самые важные решения – путем голосования. Каждый имел право вносить в принимаемые документы поправки. Для СМИ давалась информация об обсуждаемых темах. Это было новое явление по сравнению с предыдущими годами.

В структурах власти произошла кадровая революция. Старые кадры по существу были вытолкнуты из партийного и государственного аппарата. В декабре 1970 г. – мае 1972 г. сменились 75% первых секретарей и 53% воеводских секретарей ПОРП, 61% министров, 35% вице-министров, 50% председателей воеводских и 30% повятовых народных советов²¹. Поколение Союза польской молодежи взяло страну в свои руки. Это было очень важно, поскольку сам Герек не владел широкими знаниями и навыками работы с материалами. Он не любил конфликтов. Когда поступали критические материалы, вызывающие ухудшение настроения, он старался их не читать. Основным источником информации для него была французская правая газета “Le Monde”, которая постоянно лежала на его столе.

Политическая жизнь была несколько либерализована, активизированы политические институты и общественные организации. По-прежнему всеми процессами руководила партия, построенная по принципу демократического централизма, и она же их контролировала. Но на деле все было сложнее. Преобладала клановость. В воспоминаниях Герек писал: “Трагедией партии было отсутствие официальных фракций, выдвигающих альтернативные программы, создающих поле для дискуссий и выработки наилучших решений. Существующие размежевания отражали главным образом персональные амбиции и намерения разных деятелей”²².

“ПРОПАГАНДА УСПЕХА” И ПЕРЕНАПРЯЖЕНИЕ ЭКОНОМИКИ

Целью своей экономической политики Герек считал техническую и структурную модернизацию польской экономики. Стали использоваться новые методы хозяйствования, которые в определенной степени содержали рыночные элементы. В 1971–1972 гг. при росте занятости на 1,5–2,4% производительность труда возросла на 6 и 7,7%, соответственно, – экономическое развитие приобрело интенсивный характер. Вступили в строй построенные в 60-е годы промышленные объекты, использовались западные кредиты, увеличивались капитальные вложения. В такой политике заключался большой шанс на успех, но одновременно и большая опасность. В 1971–1973 гг. были закуплены 154 лицензии, главным образом для машиностроения, тяжелой промышленности и строительства. И только три – для пищевой и легкой промышленности, что свидетельствовало о недооценке руководством ПОРП развития средств потребления.

Герек – лидер становился олицетворением успеха. Были отменены обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов, введено всеобщее пенсионное и медицинское страхование крестьян. В Варшаве была восстановлена разрушенная во время Второй мировой войны резиденция польских королей – Королевский замок, построена так называемая “Трасса лазенковска” – скоростная трасса, соединяющая центр города с правобережной его частью, вместе с четвертым дорожным мостом через Вислу, а также вдоль левого берега Вислы трасса быстрого движения Север – Юг (“Вислострада”). В 1972–1975 гг. был построен варшавский Центральный вокзал. С энтузиазмом было встречено решение о строительстве автомобильных заводов в Бельско-Бялей и Тыхах, на которых должны были производиться легковые автомобили по лицензии итальянск-

²¹ *Dwilewicz Ł.* Rola ekspertów w zarządzaniu gospodarką PRL w latach siedemdziesiątych. – *Studia Politologiczne*, 2009, № 24, s. 10.

²² *Gierek E.* Smak życia, s. 87–88.

кого “Фиата”. Польша внешне преобразилась. Те, кто приезжал в эту страну, повсюду видели новые мотели, магазины, дороги, обновленные города и деревни. В 1970-е годы власти Народной Польши отошли от политики конфронтации с католической церковью, а церковь приблизилась к одобрению конституционного строя ПНР.

На VII (декабрь 1975 г.) съезде ПОРП было объявлено о строительстве в Польше “развитого социалистического общества”. В середине 1970-х годов вся партийно-государственная элита переживала головокружение от успехов. Пропаганда представляла Польшу как десятую экономическую державу мира.

При Гереке полномочия правительства были существенно расширены согласно лозунгу “Партия правит, а правительство управляет”. Как политик Герек умел быстро принимать решения, быть быстрым в иницировании различных предложений. Но не в доведении их до конца – он перебрасывал реализацию новых дел на своих коллег в руководстве, которые в конечном счете и несли за них основную ответственность.

Баланс двоевластия партии и администрации все более смещался в сторону органов государства, что было закреплено в ряде документов. В результате решающую роль в определении и, естественно, реализации экономической политики играло правительство. Большинство документов, которые рассматривались на заседаниях Политбюро ЦК ПОРП, имело правительственное происхождение и, как правило, уже было утверждено на президиуме правительства, Совете министров или в министерствах. В большинстве случаев политбюро одобряло принятые решения²³.

Политическая власть была сконцентрирована в органах ПОРП – прежде всего в Политбюро ЦК ПОРП, аппарате ЦК, в воеводских комитетах партии. Как съезды и конференции ПОРП, так и союзнические партии, сейм, Государственный совет, народные советы и Фронт единства придавали “реальному социализму” видимость демократичности строя. Герек, зная, что ПОРП “выгодно отличалась среди других партий тем, что уставной объем внутривнутрипартийной демократии был в ней значительно шире” благодаря тайным выборам, выдвижению большего количества кандидатов, чем количество мест и т.д., стремился развивать ее дальше. Он отказался от повсеместного вывешивания портретов лидеров, отошел от практики публикации в книжной форме выступлений первого секретаря. Когда партийное издательство “Книга и знание” издало в связи с 60-летием Герек книгу его выступлений “Строительство социалистической родины – наше общее дело”, он отправил весь тираж на уничтожение. Однако, что он понял позже, “условия, стимулирующие интеллектуальную жизнь партии, свободу обмена разными мыслями и предложениями, отсутствовали” – господствовала философия “наверху знают лучше”²⁴.

Вскоре все вернулось на прежнее место. Происходило ограничение гласности, генеральная линия партии жестко определялась сверху и любой отход от нее считался недопустимым. Опять стали зачитываться тексты, которые были предварительно утверждены в различных инстанциях. В Политбюро ЦК ПОРП на первое место нередко выходили клановые интересы соперничавших групп. Общественно-политическая жизнь в стране все более приобретала формальный, нередко парадный характер.

На некоторое время импульс развития получило сотрудничество между ПОРП и союзническими партиями. В составе правительства два – три поста занимали члены Объединенной крестьянской партии и Демократической партии. На серии совместных совещаний центральных органов ПОРП и Объединенной крестьянской партии были согласованы мероприятия по реализации планов развития сельского хозяйства и производства продовольственной продукции, а также социальной политики на селе. Многопартийная система, хоть и с ограничениями, но все же работала.

Была проведена реформа административно-территориального деления страны, которая якобы была призвана приблизить власть к обществу: вместо 16 воеводств стало 49. Но на деле она сужала локальные властные возможности и внутривнутрипартийную кон-

²³ Ibidem.

²⁴ Ibid., s. 91–92.

курению. Более того, она привела к перенапряжению государственных финансов и способствовала развитию экономического кризиса.

Вместе с тем все более привычным становилось ритуальное восхваление Герека в его окружении и в обществе. Исчезли правдивая оценка достижений и недостатков, действенная критика. Пропаганда, которая в начале 70-х годов играла важную мобилизующую роль, быстро превратилась в помпезную “пропаганду успеха”. Возникла концепция повышения статуса Герека: сохраняя должность первого секретаря, одновременно с ликвидацией Государственного Совета (коллективного президентства) он должен был занять пост президента. Она вначале Гереку понравилась, но требовала внесения поправки в Конституцию. Делать это только ради расширения функций Герека было неудобно, поэтому было решено добавить еще две поправки, уже включенные в конституции почти всех стран содружества – о руководящей роли партии и о союзе и дружбе с Советским Союзом. Замена коллективного высшего органа – Государственного Совета постом президента встретила сопротивление руководства страны и не состоялась. Увеличение роли Герека свелось к его вхождению в состав этого органа. В феврале 1976 г. формула о неразрывном польско-советском союзе была заменена в Конституции ПНР “нерушимой польско-советской дружбой” и в таком виде включена в преамбулу, что несколько снижало ее значимость. В первую статью Конституции было добавлено, что “ПНР является социалистическим государством”, в основной закон была включена также новая статья о том, что “ведущей политической силой общества в строительстве социализма является ПОРП”²⁵.

Уже с 1973 г. начали ухудшаться внешнеэкономические условия развития страны – росли цены на сырье, снижалась мировая экономическая конъюнктура. Иностранные кредиты, особенно краткосрочные, дорожали. Инвестиционная политика давала сбой. В первой половине 1970-х годов инвестиции в польскую экономику увеличились на 80%. Но уже в 1974 г. проявились первые симптомы перегрева инвестициями польской экономики, огромного перенапряжения народного хозяйства капитальными вложениями. Преобладало капитальное строительство с длительным циклом. В результате наступило чрезмерное расширение его фронта. Вместо того чтобы снижать темпы роста капитальных вложений, доходов населения и внешней задолженности и тем самым сохранить равновесие, капитальные вложения бесконтрольно увеличивались, реализовалась программа повышения заработной платы, ранее намечавшаяся только на следующую пятилетку. Производительность труда отставала от темпов роста доходов. Герек понял, что он совершил серьезную ошибку: само предоставление обществу лучших условий для того, чтобы больше заработать, лучших возможностей для удовлетворения потребительских устремлений не решало проблемы обеспечения лучшего качества труда²⁶.

По мнению видного польского экономиста П. Божика, руководителя группы советников Герека в 1977–1980 гг., последний, будучи сугубым прагматиком, не питал особого доверия к догмам советского “реального социализма”²⁷, да и реформировать его не собирался²⁸. Экономическая политика Герека носила волонтаристский, эклектичный характер. Макроэкономическое видение у него отсутствовало – он был практиком и, призывая активно пользоваться западным опытом, при принятии решений исходил из текущей ситуации, не вникая в их системный характер. Это привело к полной дезорганизации системы планирования²⁹. “Ручное управление” экономикой делало невозможным проведение системных реформ. Поскольку контроля за инвестиционным процессом, как и за притоком средств из-за рубежа, практически не было, чрезмерная задолженность страны нарастала. Любая поездка в регионы первого секретаря ЦК и

²⁵ Конституция Польской Народной Республики. М., 1977.

²⁶ *Rolicki J.* Edward Gierek: przerwana dekada, s. 100.

²⁷ *Bożyk P.* Polityka gospodarcza w latach 70. – Polska pod rządami PZPR. Praca zbiorowa pod redakcją Mieczysława Rakowskiego. Warszawa, 2006, s. 343.

²⁸ *Rolicki J.* Edward Gierek: przerwana dekada, s. 85.

²⁹ *Bożyk P.* Op. cit., s. 343–344.

каждого члена Политбюро ЦК кончалась обещаниями построить там новые предприятия, дороги, коммунальную инфраструктуру. Долларовый долг увеличился более чем в 6 раз. Польша попала в долговую яму, так как у нее отсутствовали внутренние ресурсы для погашения задолженности.

В 1975 г., помимо нескольких миллиардов долларов западных кредитов, пришлось взять валютный заем в несколько сот миллионов долларов у Советского Союза. Поставив перед Кремлем вопрос о вступлении Польши в Международный валютный фонд и Всемирный банк, поляки не получили в этом вопросе поддержки.

В условиях двухполюсного мира курс Герека действительно носил неоднозначный характер. С одной стороны, он всячески заверял советских товарищей в том, что Польша является верным союзником и другом СССР, наградил Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева Большим крестом ордена Виртути милитари первого класса, который присуждался за большие военные заслуги только самым выдающимся военачальникам (собственно, планировалось награждение высшим орденом для иностранцев, но Брежнев высказал пожелание получить именно польский орден, что и было исполнено). Чтобы советское руководство не волновалось из-за расширения экономических связей Польши с Западом, Герек обратился с просьбой увеличить численность Северной группы советских войск в этой стране.

Для Брежнева Герек был самым лучшим, опытным и верным из всех руководителей партии и правительства стран социалистического содружества, и в этом, по мнению руководителя польского сектора ЦК КПСС П. Костикова, заключался секрет постоянной советской поддержки экономической политики Польши. Польский руководитель принимал советского генсека по-братски, ездил с ним по всей Польше, с особенной гордостью показывал ему свое самое большое достижение – строившийся в основном на советские деньги металлургический комбинат “Катовице”, который должен был обеспечить польскую экономику лучшими сортами стали. Герек объяснял своему советскому другу, что комбинат является свидетельством могущества не только Польши, но всего социалистического содружества. Брежнев, металлург по образованию, был в восторге от нового комбината. И когда Герек попросил о поставках из Донбасса чугуна для комбината, генсек не мог отказать в этой просьбе, несмотря на протесты Косыгина. Во время беседы с М. Раковским на тему отношений с Москвой первый секретарь ЦК сказал: “Я езжу туда не для того, чтобы там водку пить или на коленях ползать. Я там ищу выгоды для Польши”³⁰.

В беседах с западными государственными деятелями Герек никогда не демонстрировал антисоветских настроений. Мы были сильными на Западе, повторял он многократно, благодаря сильной позиции в Кремле³¹. Он хотел построить в стране сильную экономику, что позволило бы установить более равноправные отношения с Советским Союзом и со всем социалистическим содружеством. В ходе переговоров с Г. Шмидтом и В.-Ж. д’Эстеном он не скрывал, что рассчитывает на экономическую помощь Запада, чтобы стать более независимым от Советского Союза³².

Если Гомулка отвоевал право управлять страной по-своему, то Герек этим правом пользовался. Не было ни одной встречи на высшем уровне, когда Брежнев с подачи своих советников не внушал бы польскому лидеру, что необходимо отменить “ошибочное решение” приостановить сплошную коллективизацию, не мириться со своеволием католической церкви, не флиртовать с польской диаспорой в США, запретить частные лавки в центре столицы и т.п. Герек особенно не спорил, широко улыбался и обещал подумать, поправить дело. Тем все и кончалось.

На заседаниях Политбюро ЦК ПОРП коренные проблемы двусторонних отношений не обсуждались. На повестке дня были лишь их вторичные аспекты: укрепление пар-

³⁰ Васильков Ю. Указ. соч., с. 81.

³¹ Rolicki J. Edward Gierek: przerwana dekada, s. 230.

³² Werblan A. Polska w strefie dominacji radzieckiej. – Polska pod rządami PZPR. Praca zbiorowa pod redakcją Mieczysława Rakowskiego. Warszawa, 2006, s. 284.

тийных связей и сотрудничества, использование опыта социалистического строительства. Польские руководители исходили из принципа, что выступать против Советского Союза нельзя, но одновременно не следует проявлять и низкопоклонство. В отличие от Гомулки, Герек был сторонником большей экономической независимости Польши от СССР. Герек и его команда считали, что это будет возможно только тогда, когда Польша станет сильным в экономическом отношении государством, для которого СССР станет большим рынком сбыта³³. Именно укрепление экономики ПНР позволит ей установить более равноправные отношения с Советским Союзом.

Пока же темпы экономического роста все больше снижались. Нарастало неравновесие на потребительском рынке. Рос спрос на продовольственные товары, прежде всего на мясо. Эти трудности усугубил неурожай 1974–1975 гг. Впоследствии Герек вспоминал: “В руководстве партии и государства неизбежности нового повышения цен боялись все, на уровне подсознания мы старались отодвинуть такое решение по времени как можно дальше. Однако в середине 1976 г. оно уже становилось неизбежным”³⁴.

Брежнев резко протестовал против повышения цен в Польше, сказав Гереку: “Ты что, забыл, что произошло в 1970 г.? Опять начинаете делать то, за что мы все вместе будем платить. Мы решительно выступаем против ваших экспериментов, которые наносят удар по интересам содружества. Проанализируйте еще раз все данные. Найдите другой выход”³⁵. Однако в Варшаве и эксперты, и Ярошевич пришли к однозначному выводу: не будет ни рыночного равновесия, ни возможности какого-либо маневра, если пропорция между ценами и доходами населения не изменится. Экономика без повышения цен не выдержит.

Герек успокаивал П. Костикова: “Мы наверняка не повторим ошибок наших предшественников, которые никому ничего не объяснили, и повышение цен оказалось для рабочего класса полной неожиданностью”³⁶. Политбюро ЦК ПОРП приняло проект решения с условием, что партийные организации будут его защищать снизу. За два дня до его публичного обнародования Ярошевич на несколько часов приехал в Москву, на встречу с Косыгиным, который нашел в расчетах польских коллег несколько ошибок. Обещание компенсации населению за повышение цен он посчитал “политически опасным, а экономически неэффективным”³⁷, проект – плохим, “а его обоснование и того хуже”. Польский премьер клятвенно пообещал, что замечания учтет, все проанализирует еще раз и найдет более благоприятный для населения выход из ситуации³⁸. Герек, не воспринявший замечаний советского премьера всерьез, при подведении итогов обсуждения сказал: “Мы покажем им, как можно и как необходимо решать серьезные экономические проблемы. Пусть учатся у нас”³⁹. Для психологической подготовки перед повышением цен были проведены консультации – сначала на 179 предприятиях, а 8–9 июня – в ЦК ПОРП, с первыми секретарями воеводских комитетов партии. Из-за отсутствия возражений был сделан поспешный вывод, что “трудящиеся и актив в целом примирились с мыслью о неизбежности повышения цен”⁴⁰. Чтобы заручиться поддержкой руководства католической церкви, Ярошевич подписал разрешение на строительство 30 костелов. Воеводам было поручено провести беседы на эту тему с епископами. 23 июня 1976 г. секретарь ЦК ПОРП С. Каня встретился с генеральным секретарем епископата Польши Б. Домбровским и проинформировал иерарха о предстоящей акции. Однако

³³ Mac S.J. *Przesłuchanie gliny*. Warszawa, 1990, s. 93–94.

³⁴ *Rolicki J.* Edward Gierek: przerwana dekada, s. 106.

³⁵ *Ibidem*.

³⁶ *Kostikow P., Roliński B.* Widziane z Kremla, s. 184.

³⁷ *Tejchma J.* Kulisy dymisji. Z dzienników ministra kultury 1974–1977. Kraków. 1991, s. 208.

³⁸ *Kostikow P., Roliński B.* Widziane z Kremla, s. 185.

³⁹ *Pawłow W.* Generał Pawłow: byłem rezydentem KGB w Polsce. Warszawa, 1994, s. 120.

⁴⁰ Цит по: Власть – общество – реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006, с. 221.

Домбровский был убежден, что повышение “ударит по самым бедным слоям населения и углубит недовольство общества”⁴¹.

Тем не менее на следующий день Ярошевич объявил на заседании сейма о повышении цен: на мясо и мясные продукты в среднем на 69%, в том числе на колбасные изделия – на 100%, на масло и молоко – на 50%, на сахар – на 100% (сахар распределялся по карточкам). Размер и масштабы повышения оказались более значительными, чем в декабре 1970 г. Компенсация же никак не могла не вызвать протест: зарабатывавшие больше должны были получить по 600 злотых, а рабочие и служащие с низкими зарплатами – всего по 240 злотых! Власть допустила большую политическую ошибку: трудящиеся страны восприняли все это как недопустимое нарушение социальной справедливости.

Нужно подчеркнуть, что Герек опасался открытых выступлений и жесткого противодействия им, тем более что были подписаны международные обязательства соблюдения прав человека согласно Заключительному акту СБСЕ (август 1975 г.), от чего зависело получение очередных кредитов на Западе. Поэтому он категорически потребовал, чтобы в случае уличных демонстраций милиция не использовала огнестрельного оружия.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И СМЕНА НАСТРОЕНИЙ ОБЩЕСТВА

25 июня 1976 г. в 24-х из 49-ти воеводств, на 111 предприятиях, начались забастовки и митинги, в которых приняли участие 80 тыс. человек⁴². Уличные выступления развернулись в трех городах – Радоме, Урсусе и Плоцке. В Радоме забастовка вспыхнула на заводе им. генерала Вальтера рано утром. Она началась громким плачем женщин бригады Яворского, которых потрясли масштабы объявленного повышения цен. После митинга сформировалась колонна демонстрантов, насчитывавшая около 1000 человек, которая после 8 часов вышла за территорию завода. Власти сразу же отключили телефонную связь между заводом и городом, привели в боевую готовность местный ОМОН. В 10 часов вокруг здания воеводского комитета ПОРП собралось уже 6000 человек. Первый секретарь воеводского комитета ПОРП Я. Прокопак отказался говорить с рабочими, предложив встречу с их делегацией. Рабочие не пошли на это, опасаясь ареста делегатов. Тем временем МВД приняло решение перебросить в Радом роту ОМОНа, милицию из соседних городов и слушателей Высшей офицерской школы гражданской милиции. Еще до прибытия этих сил группа людей ворвалась в здание воеводского комитета партии и начала громить все на своем пути. Кто-то поджег здание. Часть толпы бросилась грабить магазины. На улицах начались ожесточенные столкновения. В подавлении беспорядков участвовали 1600 омонцев и милиционеров, которые (за исключением офицеров) не имели при себе огнестрельного оружия. Омонцы при помощи длинных палок, слезоточивых гранат и водометов пытались рассеять толпу, которая строила на улицах баррикады, бросала в омонцев камни, а в здание воеводского управления милиции полетели бутылки с зажигательной смесью. Были сожжены легковые автомобили, стоявшие перед этим зданием. Толпа подожгла здание воеводского управления государственной администрации, а также Бюро паспортов воеводского управления милиции. Двое погибли в результате несчастного случая. Через несколько часов силы порядка взяли город под свой контроль. В Урсус и Плоцк ОМОН прибыл вечером, когда манифестации закончились и люди расходились по домам. Его вмешательства не потребовалось.

Обеспокоенный негативной реакцией общества Герек поручил премьеру заявить в вечерней информационной программе об отмене повышения цен на продовольствие.

⁴¹ Raina P. Rozmowy z władzami PRL. Arcybiskup Dąbrowski w służbie Kościoła i Narodu. T. 1. 1970–1981. Warszawa, 1995, s. 256.

⁴² Zaremba M. Centrum władzy wobec kryzysu 1976 roku. – Studia Polityczne, 2009, № 24, s. 114.

Ярошевич объяснял это тем, что в ходе консультаций были высказаны якобы новые предложения и для их рассмотрения необходимо время.

Герек воспринял беспорядки как вызов его власти. 26 июня, на телеконференции с первыми секретарями воеводских комитетов, он «разразился настоящей бранью по адресу тех “неблагодарных” поляков, которые осмелились в ответ на его “отеческую” заботу бастовать»⁴³. Во всех воеводских центрах были организованы митинги в поддержку первого секретаря и премьера. В Катовицах в них участвовали 200 000 человек, в Лодзи – 80 000, в Ольштыне – 35 000. Это означало, что партийный аппарат еще был способен мобилизовать большие массы людей. 30 июня Радом “просил прощения” за свое поведение. Заключительный митинг с участием первого секретаря ЦК состоялся в Катовицах 2 июля 1976 г. Пропаганда называла участников протестов смутьянами. По всей стране были задержаны 2500 человек. В Радоме были уволены с работы около 1000 человек, а 200 – привлечены к уголовной ответственности за грабежи и сопротивление силам правопорядка.

Несмотря на напряженную ситуацию, находившееся в безвыходной ситуации польское руководство еще раз решило провести повышение цен на продовольствие. Этого требовали законы экономики. Подготовка акции велась в обстановке строгой секретности. Компенсация должна была стать одинаковой для всех занятых, что было уступкой в отношении рабочих.

29 – 30 июня 1976 г. в Берлине проходило совещание коммунистических и рабочих партий Европы. В перерыве прошла встреча советской и польской делегаций. Брежнев хвалил Герека за отказ от повышения цен. Однако кто-то из членов польской делегации довел до сведения советской стороны, что оно все-таки будет иметь место. Между руководителями двух партий состоялся жесткий разговор. Брежнев угрожал уменьшить поставки нефти в Польшу на несколько миллионов тонн, если польское руководство не прислушается к нему.

Гереку пришлось уступить. Было приостановлено сооружение 2500 объектов на общую сумму 200 млрд. злотых, урезаны капиталовложения, увеличено производство товаров народного потребления, введены коммерческие цены. Однако на практике это были хаотичные действия, без выработки общей концепции. “Экономический маневр” привел к тому, что рост заработной платы упал до 1–2% в год. Настроения в обществе опять ухудшились, росли социально-политическая напряженность, недовольство руководством страны, разочарование в “реальном социализме”. После июньских событий в деятельности Политбюро и секретариата ЦК ПОРП, а также в отношениях между руководством партии и правительством углубилась дезорганизация. Ее источником были все более активные действия некоторых членов руководства партии, стремившихся к отстранению с постов вначале премьера, а затем и первого секретаря.

20 июля 1976 г. по инициативе епископа Б. Домбровского состоялась его встреча с министром внутренних дел С. Каней “по вопросу рабочих, репрессированных за выступления против повышения цен”. Епископ подчеркнул, что католическая иерархия из чувства ответственности за общественное спокойствие воздержалась от каких-либо официальных выступлений, чтобы “не подливать масла в огонь”. “Мы всегда готовы успокаивать общество, – заверял он. – Но политика репрессий и возмездия может привести к такой ситуации, что разгоряченное и обиженное общество уже не будет в состоянии услышать никакой разумный голос”. Массы успокоят, убеждал он, “не репрессии, а амнистия”⁴⁴. Сдержанная позиция церкви устраивала власти. В связи с 75-летием кардинала С. Вышинского Ярошевич от имени правительства прислал примасу 75 роз. Власти обратились к папе в Ватикан с просьбой не отзывать кардинала с поста примаса Польши, несмотря на достижение им пенсионного возраста. В октябре 1978 г., когда

⁴³ Павлов В.Г. Руководители Польши глазами разведчика (кризисные 1973–1984 годы). М., 1998, с. 21.

⁴⁴ Цит. по: Майорова О.Н. 1976 год – начало формирования организованной оппозиции в Польше. – *Studia Slavica-Polonica* (к 90-летию И.И. Костюшко). М., 2009, с. 350.

кардинал Кароль Войтыла был избран папой римским и, как Иоанн Павел II, в июне 1979 г. посетил Польшу, роль церкви резко выросла.

В это время вслед за снижением темпов роста началось абсолютное падение основных показателей социально-экономического развития страны: промышленного производства, производительности труда, эффективности хозяйствования, национального дохода. Темпы роста произведенного национального дохода с 1976 по 1978 г. уменьшились с 6,8 до 3,0%. В 1979 г., впервые в истории ПНР, наблюдался его спад на 2,3%, а в 1980 г. – на 5,4%. В целом во второй половине 70-х годов среднегодовой рост национального дохода составил всего около 1%. Основными причинами такой ситуации было отсутствие эффективной системы функционирования экономики: директивно-распорядительная система в серьезной степени была размонтирована так называемым “открытым планом” и ослаблением роли Госплана, а новые макроэкономические параметры рыночного плана не были введены. Вся выдвинутая Герекком концепция строительства потребительского социалистического общества потерпела неудачу. Сбалансировать продовольственный рынок и рынок потребительских промышленных товаров не удавалось. У населения на руках вследствие относительно высокого роста заработной платы деньги были, но на них оно не могло приобрести автомобили, стиральные машины, телевизоры и другие товары длительного пользования. Сохранение этой ситуации на протяжении нескольких лет вызывало раздражение прежде всего крупнопромышленного рабочего класса, заработная плата которого была значительно выше, чем у остальной части населения. Особенно была недовольна молодежь, которая требовала скорейших перемен к лучшему. Для Герека, который выдвинул в качестве основных лозунгов “социализм достатка” и “обогащение граждан”, это была тупиковая ситуация.

Правда, в 1980 г. конъюнктура на мировых рынках стала меняться к лучшему. В экономике проявились некоторые положительные тенденции. В первом полугодии, впервые за пять лет, положительное сальдо во внешней торговле составило 0,5 млрд. долл. При этом промышленное производство увеличилось на 7%. Прогнозы правительства вначале Ярошевича, а затем и Бабюха в отношении того, что профицит во внешней торговле составит 1 млрд. долл., были вполне реальными. В стадии завершения были инвестиции, которые обеспечивали бы выпуск продукции на экспорт. Если бы не забастовки лета 1980 г., то начался бы реальный выход польской экономики из кризиса.

Возникла парадоксальная ситуация: аппарат ЦК фактически являлся оппозицией правительству, пытаясь разработать собственную экономическую программу и вести “скрытую войну с правительством”. В свою очередь, руководство Совета министров приостановило приток информации в ЦК, выступало с резкой критикой докладов и записок экономических отделов ЦК и группы советников первого секретаря ЦК.

Чтобы противодействовать нарастанию негативных политических тенденций в партии, руководство ПОРП взяло курс на резкое увеличение ее численности. Была поставлена задача довести ее к VIII съезду (т.е. к началу 1980 г.) до 4 млн. человек. Развернулось “соревнование” воеводских парторганизаций – кто примет больше новых членов. В Катовицком воеводстве проводилось что-то вроде коллективного приема в ПОРП шахтеров. Стали принимать в партию даже старшекласников. В 1978–1979 гг. численность ПОРП увеличилась на 650 тыс. человек. Шло ее идейное размыwanie. Как пишет польский политолог А. Добешевский, “массовое развитие партийных рядов вело к минимизации идейных, политических и моральных требований к членам партии... Наступала деградация качества партийных рядов, а вместе с ней и деградация функционирования ПОРП в целом. В партии оказалась значительная группа людей, реализующих при помощи партийного билета собственные эгоистические цели”⁴⁵. ПОРП превращалась в обычную партию власти, в которой были объединены люди разных идейно-политических ориентаций, так как без партийного билета они практически не имели возможности карьерного роста. Контроль сверху был ослаблен, что оборачивалось разложением са-

⁴⁵ *Dobieszewski A. Nomenklatura partyjna – spojrzanie od wewnątrz (1948–1989). – Elity władzy w Polsce a struktura społeczna w latach 1956–1981. Warszawa, 1994, s. 190.*

мой партийно-государственной номенклатуры. Она постепенно погрязала в “буржуйском” стиле жизни: строила частные дачи, обживала роскошные дома отдыха для своей, особо привилегированной социальной группы. Чиновники в массовом порядке ездили за государственный счет на Запад.

Если в начале 1970-х годов оппозиция в среде творческой интеллигенции практически не проявляла себя, считая, что после прихода к власти Герека политика в области культуры и науки изменилась к лучшему, и даже выходила из состояния “внутренней эмиграции”, включаясь в общественную, просветительскую деятельность, воспитывая в народе чувство терпимости, плюрализм мнений и критическое отношение к действительности, то во второй половине 70-х годов ситуация явно стала меняться.

По мнению известного оппозиционера Я. Куроня, в среде творческой интеллигенции и студенчества рождалась оппозиция нового типа, которая начинала действовать под лозунгами прав человека и свободы личности, либерализации политического режима. Понимая, что в тогдашней ситуации тактика открытой борьбы с режимом была нереальной, он призывал к постоянному давлению оппозиции на власть, выступал против огосударствления средств производства, будучи сторонником “какой-то иной формы социализма”⁴⁶. Другой видный оппозиционер А. Михник, несмотря на свой отход от официальной идеологии, подтверждал свою приверженность идеям социализма и неприятия капитализма.

Весьма активизировались небольшие группки правой интеллигенции, они пытались создавать на грани внесистемной и антисистемной оппозиции свои подпольные организации.

В сейм или в комиссию по подготовке изменений в Конституцию направлялись письма против внесения поправок в основной закон и с предложениями, чтобы Конституция содержала гарантии свободы совести и религиозных обрядов, свободы труда, свободных профсоюзов и права на забастовку, свободы слова и информации, отмены цензуры и государственной монополии на информацию, свободы научных исследований. Подчеркивалось, что гарантии этих свобод несовместимы “с признанием руководящей роли одной из партий в системе государственной власти”⁴⁷. Протестные письма продемонстрировали отсутствие коренных расхождений во взглядах между различными течениями оппозиционно настроенной польской интеллигенции – левой демократической, светских католиков и священников, которые объединились против поправок к Конституции. Это был важный этап консолидации оппозиционно настроенных кругов, их взаимного сближения на позициях неприятия режима Народной Польши⁴⁸. Июньские события 1976 г. дали качественно новый толчок деятельности оппозиционно настроенной части интеллигенции разных течений. 23 сентября был создан Комитет защиты рабочих (КОР), в состав которого вошли активные участники мартовских событий 1968 г., известные писатели, ученые, представители духовенства. КОР дал начало организованному подполью, которое впервые в стране “реального социализма” начало действовать полупулегално. Теперь возникла перспектива формирования союза оппозиционной интеллигенции и рабочих. КОР оказывал правовую и финансовую помощь репрессированным рабочим – ее получили более 1000 человек. Члены КОР ездили на процессы рабочих, собирали деньги для их семей, информировали мир о репрессиях, тем самым оказывая постоянное давление на власть в надежде, что ее можно изменить путем самоорганизации общества. Адреса и телефоны членов Комитета были достаточно широко известны, и любой мог обратиться к ним за помощью. Финансовую поддержку ему оказывала парижская “Культура” и часть польской диаспоры в США.

⁴⁶ Волобуев В.В. Политическая оппозиция в Польше 1956–1976. М., 2009, с. 200.

⁴⁷ List “59” w sprawie zmian w Konstytucji wysłany przez prof. Edwarda Lipińskiego do marszałka Sejmu, wysuwający postulaty konstytucyjne w zakresie praw i wolności obywatelskich z 5.XII.1975. – Hemmerling Z., Nadolski M. Opozycja wobec rządów komunistycznych w Polsce 1956–1976. Wybór dokumentów. Warszawa, 1991, s. 495.

⁴⁸ Волобуев В.В. Указ. соч., с. 214.

По оценкам польских исследователей, во второй половине 1970-х годов в оппозиционную деятельность были вовлечены свыше 1000 человек. Благодаря западным средствам массовой информации, прежде всего американской радиостанции “Свободная Европа”, немалая часть польского общества ориентировалась в существовании, деятельности и взглядах оппозиционных групп.

Власти ПНР вынуждены были из-за давления международного общественного мнения “терпеть” оппозицию, проводить по отношению к ней “мягкую” политику. Партийный лидер предпочитал, чтобы Польшу относили к тем странам, где нет политических заключенных, что было для него важно в деловых отношениях с руководителями западных государств. Поэтому милиция в основном ограничивалась тем, что следила за оппозицией, регулярно задерживая и производя обыски лиц, участвовавших в различных протестных акциях.

Между тем в конце 1970-х годов члены КОР стали предпринимать меры по созданию на Балтийском побережье независимых профсоюзов. Оппозиция наладила широкую “самоиздатовскую” деятельность: весной 1977 г. начало работать независимое издательство “Нова”, а в конце 1970-х годов, когда в оппозиционную деятельность были вовлечены, по данным оппозиции, 1–1,5 тыс. человек, ежемесячный тираж независимых газет и журналов составлял тогда 30 тыс. экземпляров.

Оппозиция второй половины 1970-х годов уже была внесистемной. Все оппозиционные группы искали поддержку у католической церкви, способствовали укреплению и распространению оппозиционных настроений среди значительной части населения.

В мае 1977 г. Герек под давлением С. Кани и С. Ковальчика согласился на арест большинства членов КОР. Административному аппарату казалось, что в Польше наконец проявилась политическая воля, власть вступила на путь борьбы со своими политическими противниками и вскоре последуют политические судебные процессы. Однако Герек на большом митинге партийного актива завода “Урсус” объявил об амнистии. При этом он не консультировался ни с кем, в том числе и с членами Политбюро ЦК ПОРП. Тюрьмы покинули как осужденные рабочие, так и недавно арестованные члены КОР. Польша вновь стала страной без политических заключенных. Члены КОР предположили, что Герек объявил амнистию под давлением Запада. Это так и было.

Решиться на открытую дискуссию с взглядами оппозиции глава партии не мог. Оставалось лишь милицееское преследование: задержания, обыски, запугивание. Такая тактика в отношении оппозиции вела, с одной стороны, к возникновению все большего числа ее организаций, в том числе подпольных, а с другой – в партийном и милицееском аппарате нарастало недоумение и недовольство непонятной пассивностью Герек в борьбе с политическими противниками. Поэтому он стал все больше восприниматься внутри партии как человек, подрывающий позиции номенклатуры и ведущий к дестабилизации основ режима. Возникла парадоксальная, ранее невиданная ситуация: в государстве, где господствовала по сути одна партия, власти терпимо относились к оппозиционным, по существу нелегальным организациям с собственной прессой, книжными издательствами и “летучими университетами”. Практически все члены Политбюро ЦК ПОРП были сторонниками жестких репрессий против оппозиции, но вынуждены были терпеть “чужачества” Герек. Партийный аппарат и органы безопасности постепенно приходили к выводу о необходимости отстранения Герек от власти.

Благодаря усилиям С. Кани и С. Ковальчика милиция оснащалась современным оборудованием для борьбы с уличными беспорядками. На Западе были куплены очень прочные плексигласовые щиты для милиционеров, газовое оружие, водометы, легкие бронетранспортеры. Значительные деньги были выделены на расширение старой и создание новой агентурной сети на предприятиях и вузах. Агенты и информаторы госбезопасности имели современные подслушивающие устройства и эффективно следили за деятелями и сторонниками оппозиции. Для пресечения беспорядков на улицах и производственных территориях были созданы специальные подразделения ОМОН. В общем, власть при Герек была во много раз лучше подготовлена к возможным столкновениям на улицах, чем при Гомулке. Для наведения порядка теперь не требовалось использова-

ния армейских частей. Однако для приведения всего этого механизма в действие была необходима политическая воля руководителя партии – Э. Герек.

Вышедшие из тюрьмы лидеры оппозиции Михник и Куронь убедились, что можно продолжать действовать безнаказанно, поскольку Запад всегда встанет на их сторону, а Герек – это “бумажный тигр”. Ряды сторонников оппозиции стали быстро расти. 29 сентября 1977 г. КОР трансформировался в Комитет общественной самозащиты – Комитет защиты рабочих (КОС – КОР), который ставил своей целью охватить своей деятельностью не только рабочих, но и другие группы польского общества. С 1977 г. он издавал бюллетень “Роботник”, тираж которого достигал 60 тыс. экз. Осенью 1977 г. на Гданьскую судовой верфь доставлялось ежемесячно по меньшей мере по несколько сот экземпляров, а в 1979 г. – в среднем 1–1,5 тыс. экземпляров газеты. Следовательно, более года многие тысячи рабочих имели доступ к независимой печати.

В Гданьске в апреле 1978 г. оформились так называемые свободные профсоюзы. Вначале вместе со ставшим их руководителем электромонтером Л. Валенсой в них насчитывалось всего 7 членов. Они распространяли “Роботник” и сами издавали локальный “Роботник Выбжежа”. В Кракове, Варшаве, Гданьске, Познани и Вроцлаве появились студенческие комитеты солидарности. Были изданы задержанные цензурой книги польских писателей К. Брандыса, А. Киевского, Т. Конвицкого и др., а также зарубежных авторов, прежде всего российских – Е. Замятина, А. Зиновьева, Г. Владимова и др. Всего до лета 1980 г. было издано 60 книг и 26 номеров разных газет и журналов. Это при том, что в 1976–1979 гг. служба безопасности конфисковала 440 тыс. листовок, журналов и книг, 121 рогапринт, 106 пишущих машинок, 1770 упаковок бумаги и 113 кг печатной краски.

Герек, несмотря на предпринимавшиеся попытки, так и не сумел полностью взять ситуацию в свои руки. Он лишь следовал за событиями, тем более что с 1977 г. болел туберкулезом легких и ему требовалась длительная госпитализация. В 1978 г. обострились застарелая болезнь позвоночника и астма. Все эти болезни были следствием его работы в молодости на шахтах Франции и Бельгии. Он уже не мог обходиться без обезболивающих средств, особенно во время выступлений. Плохое самочувствие подавляло его активность, мешало быстрому принятию решений. Он, как правило, игнорировал предостережения, поступающие с разных сторон, но не раз задумывался над тем, чтобы уйти с высокого и ответственного поста первого секретаря ЦК ПОРП. И не делал этого только потому, что не хотел оставлять после себя нерешенные ключевые проблемы – огромный фронт капитального строительства и отрицательное сальдо во внешней торговле. Он считал, что в такой ситуации его уход был бы воспринят как трусость и бегство. К тому же тогда у него еще не было кандидатуры приемника на пост руководителя партии. Поэтому он отгонял от себя мысль об отставке. А тем временем в его команде не прекращались постоянные склоки, борьба друг с другом различных групп и отдельных лиц за влияние. Ярошевич в беседе с Костиковым жаловался на царивший в руководстве беспорядок, на отсутствие дисциплины и ответственности, на вмешательство партийного аппарата в экономические дела⁴⁹.

УГЛУБЛЕНИЕ КРИЗИСА И ОТСТРАНЕНИЕ ГЕРЕКА ОТ ВЛАСТИ

Настал момент, когда общество уже не хотело, чтобы Герек оставался у власти. По мнению многих поляков, его команда исчерпала свой потенциал и не имеет новых идей для дальнейшего развития Польши. Связанная с властью интеллектуальная элита была очень обеспокоена негативными тенденциями в развитии ситуации в стране и искала пути выхода из нее. Этот слой все больше приходил к выводу, что “реальный социализм” в Польше исчерпал себя и что появляются возможности мирной, без кровопролития, эволюции системы в демократическом направлении. Эта элита видела ее в

⁴⁹ *Kostikow P., Roliński B. Widziane z Kremla, s. 228.*

расширении диапазона сил на политической арене, чтобы упорядочить политическую ситуацию в стране и предотвратить развал государства.

В январе 1978 г. известный социолог Я. Щепаньский был приглашен на встречу с кардиналом Вышинским для обсуждения состояния польского общества. После беседы примас оценил это состояние так: растет пропасть между властью и обществом, возникла опасность анархизации общественной жизни. 16 сентября 1978 г., после нескольких бесед с секретарями ЦК ПОРП по случаю своего 65-летия, Щепаньский констатировал, что социалистический строй не может быть улучшен. 2 марта 1979 г. подал в отставку с поста экономического советника Герека и вышел из партии профессор Я. Бексяк, заявивший, что ПОРП в своей деятельности утратила какие-либо цели. По Варшаве распространялся датированный от 12 марта текст Щепаньского, в котором говорилось, что все программы, предложенные партией за период социализма, исчерпаны и правительство уже не в состоянии руководить страной.

4 сентября 1979 г., во время встречи с секретарем ЦК Ю. Тейхмой, М. Раковский охарактеризовал актуальное состояние политической системы ПНР так: при Гереке произошла эрозия важных элементов этой системы и режима путем укрепления позиций народа и общества. К некоторым методам осуществления власти уже нельзя вернуться ввиду бессилия партийного и государственного аппарата, роста силы католической церкви, организованной оппозиции, хождения нелегальных изданий и т.д.⁵⁰ На официальных заседаниях правящая элита одобряла генеральную линию ПОРП, а в частной жизни дистанцировалась от нее. С программой партии не идентифицировали себя даже вице-министры правительства. В 1979 г. критика правительства на заседаниях Политбюро ЦК ПОРП была постоянным явлением.

Советское руководство было обеспокоено ситуацией в Польше. ПНР вновь стала рассматриваться как слабое звено социалистического содружества. В Кремле считали, что причиной нарастания кризиса в этой стране является отход польского руководства от общих закономерностей строительства социализма. Еще в августе 1978 г., во время встречи в Крыму, Герек услышал от Брежнева предупреждение об опасности “отдаления Польши от социалистического содружества”⁵¹. В марте 1979 г. в Москве советский лидер вновь напомнил первому секретарю ЦК ПОРП об ответственности: от развития положения в Польше зависит ситуация во всем социалистическом содружестве. Это было воспринято Гереком как предупреждение.

Самое серьезное влияние на общественную атмосферу в Польше оказало избрание в октябре 1978 г. кардинала Кароля Войтылы новым папой Римским. Войтыла принял имя “Иоанн Павел II”. Герек успокаивал руководителей СССР, уверяя, что папа – поляк, а это благоприятный фактор, способствующий политике разрядки и сохранению спокойствия в Польше и Европе, что это будет способствовать росту авторитета Польши в мире. Он рассчитывал на улучшение отношения польского епископата и ксендзов к государственной власти.

В Кремле были категорически настроены против визита папы в Польшу. Брежнев, который был в это время болен, дважды звонил Гереку и требовал отмены визита. Герек оправдывался тем, что не может отменить визит, так как в СМИ уже опубликовано коммюнике о приезде папы в Польшу. Действительно, в сложившейся ситуации отмена визита неизбежно привела бы к обострению обстановки в стране. Герек стремился различными способами разрядить социальное напряжение. Руководство партии, и, прежде всего, он сам, попыталось с этой целью максимально использовать факт избрания папы – поляка. Руководитель ПОРП дал согласие на визит Иоанна Павла II в Польшу.

Визит состоялся в июне 1979 г. Папа с триумфом проехал по стране, в мессах под открытым небом участвовали миллионы поляков, исполненных гордости, что их соплеменник стал главой Вселенской католической церкви. Паломничество папы продемонс-

⁵⁰ *Tejchma J.* W kręgu nadziei i rozczarowań. Notatki dzienne z lat 1978–1982. Warszawa, 2002, s. 71.

⁵¹ *Ibid.*, s. 23.

трировало меру влияния польской католической церкви в обществе и ее силу. При этом церковь показала большую эффективность своего аппарата, способного поддерживать порядок и спокойствие во время массовых и масштабных богослужений.

В результате визит оказался не столько религиозным, на что надеялось польское руководство, сколько политическим событием. После него активность и наступательный характер действий оппозиции значительно возросли. Герек обратился к ученым-обществоведам с просьбой дать научную оценку политическим последствиям пребывания папы в Польше. Я. Щепаньский написал: “Католические массы, осознав свою политическую силу, захотят существующие политические формы общественных организаций превратить в политически эффективные организации, отвечающие потребностям пробудившихся масс”⁵². Герек вынужден был признать это: “Для многих членов партии это был настоящий шок. Можно сказать, что в стране произошла явная поляризация взглядов. Меня стали обвинять, что Герек, мол, слишком далеко зашел в своих уступках католической церкви. Политическая атмосфера стала более тяжелой, чем перед визитом”⁵³.

Открывшийся 11 февраля 1980 г. VIII съезд ПОРП не смог выработать столь необходимую программу выхода страны из развивавшегося кризиса. Выдвинутые в ходе предсъездовской дискуссии предложения не получили на съезде поддержки и не нашли отражения в его решениях. Между тем последние месяцы нахождения Герек у власти наглядно показали, что в результате этого политическая агония, которую никто не мог остановить, длилась несколько месяцев. Не только среди населения, но и в партийном аппарате, в силовых структурах недовольство политикой Герек достигло критической точки. Сам Герек вспоминал о том периоде: “Считаю, что тогда в руководстве был классический пат. Мои противники думали о втором туре борьбы за власть, я – о необходимости единства руководства”⁵⁴.

Положение становилось все более сложным. В 1979 г. уже 18% мяса продавалось через коммерческие магазины. В мае 1980 г. М. Ягельский подписал решение о дальнейшем увеличении в продаже доли такого мяса. Последствия такой ситуации стали трагическими для ПНР. Протесты в трудовых коллективах начались уже из-за небольшого повышения цен в буфетах предприятий на ливер и другие потроха. Именно это повышение играло роль искры, вызвавшей взрыв недовольства рабочих. А сам Герек, как он признавался позже, после VIII съезда был одним из самых плохо осведомленных лиц в руководстве страны, поскольку получал только выборочную информацию, в основном о плохом положении дел в экономике.

1 июля одновременно в более чем 10 городах страны начались массовые забастовки. Новый премьер Э. Бабюх, посоветовавшись с Герек, немедленно отменил новые цены. Однако это решение уже не остановило протесты. В результате разразилась трехдневная забастовка в Люблине и во всей Люблинской окружной дирекции Государственной железной дороги. Эта дирекция контролировала все железнодорожное движение между СССР и ПНР. Остановка движения на этом участке создала проблемы в снабжении Советской группы войск в ГДР. Затем настроения несколько успокоились.

Советское руководство рассчитывало на Герек и его умение выйти из сложного положения. А он, со своей стороны, был все еще полон оптимизма и говорил во время своего последнего отдыха в Крыму в июле–августе: “Наша ситуация улучшится, и за год – два мы достигнем того, что мы предусмотрели в нашей социально-экономической политике, т.е. модернизируем экономику... Мы должны выдержать еще год–два. Осенью я скажу об этом народу. Люди поймут. Выдержат”⁵⁵. Герек все еще верил в свою силу и авторитет, полагал, что огромные инвестиции, вложенные в экономику в 1970-е годы, вот-вот начнут приносить плоды. Вновь будет расти заработная плата, а влияние

⁵² Цит по: *Rolicki J. Edward Gierek: przerwana dekada*, s. 288.

⁵³ Цит по: *Dudek A. Polityka władz PRL wobec Kościoła w latach 1956–1970. – Elity władzy w Polsce a struktura społeczna w latach 1956–1981*, s. 225–226.

⁵⁴ *Rolicki J. Edward Gierek: przerwana dekada*, s. 199–200.

⁵⁵ *Kostikow P., Roliński B. Widziane z Kremla*, s. 237.

оппозиции ослабеет. Ведь планировалось, что с середины 1980 г. до конца 1982 г. произведенный национальный доход возрастет почти на 7%, реальная зарплата – на 3%, в 1981–1982 гг. будет построено 600 тыс. квартир. Однако этот прогноз не оправдался.

Польский лидер был предупрежден, что его советский коллега будет беседовать с ним только один час. К. Черненко подал Брежневу несколько страниц машинописного текста, тот надел очки и начал читать: “Дорогой товарищ Эдвард...” Он проявил обеспокоенность ситуацией в Польше, его волновали вопросы оппозиции, задолженности, последствия проведения политики чрезмерного увеличения численности ПОРП. Было видно, что он устает от чтения текста и остаток сил сконцентрировал на том, чтобы выслушать Герека. Польский гость дал оптимистическую оценку положения и, по сути, отверг критические замечания Брежнева. Он был вполне уверен в поддержке лично Брежнева и всего советского руководства: никто в нем не делал ставку ни на Каню, ни на Бабюха. Беседа была закончена. На прощание Брежнев сказал только что-то вроде: “Эдвард, держись, не сходи с курса”⁵⁶.

Между тем в июле–сентябре забастовки охватили почти 2 тыс. польских предприятий и 1,2 млн. занятых. Создание и деятельность “Солидарности” нанесли огромный удар по экономике страны. Сотрудничество с Западом окончилось приобретением устаревших лицензий, получением кредитов на невыгодных условиях, ростом задолженности не только развитым капиталистическим государствам (Японии со сроком выплаты до 2014 г. и Лондонскому клубу – до 2024 г.), но и СССР. Кризис углублялся. С расширением массовых забастовок на Балтийском побережье в 20-х числах августа Брежнев направил Гереку письмо об озабоченности советского руководства по поводу разворачивавшихся в Польше событий, которые были восприняты советским руководством как угроза существованию социализма, “социалистического содружества”, прочности ОВД и стабильности в Европе. Когда встал вопрос о выработке советской линии в отношении польской ситуации, в основу была положена “доктрина Брежнева”, который в телефонном разговоре, имея в виду назревавший силовой вариант, по-польски инструктировал Герека: “У тебя контра, надо взять за морду, мы поможем”⁵⁷.

Вначале польскому руководству было предложено, чтобы члены партии начали работу внутри “Солидарности” и постарались эту фазу конфликта свести на нет. Однако он только обострялся. Чтобы повлиять на ход событий в направлении ослабления, к границам были придвинуты советские войска. В поведении Герека просматривалась растерянность, стремление переждать неприятную ситуацию. Когда он готовился ночью напролет к выступлению на заседании сейма 5 сентября 1980 г., его настиг инфаркт. Эпоха Герека явно подошла к концу. Советское руководство сделало ставку на нового первого секретаря С. Каню, который в 70-е годы как секретарь ЦК курировал МВД, спецслужбы и армию. На VI пленуме ЦК ПОРП 6 сентября он заменил Герека на посту первого секретаря ЦК ПОРП.

2 декабря 1980 г. Герек был выведен из ЦК ПОРП и Государственного Совета, 19 декабря он отказался от мандата депутата сейма, а 15 июля 1981 г. его исключили из партии. Во время введения военного положения он для снятия политического противостояния в стране был вместе с группой ведущих партийно-государственных деятелей почти на год интернирован (одновременно с интернированием руководства “Солидарности” во главе с Л. Валенсой). Согласно логике авторитарного режима, вина за недоверие общества и кризис была возложена лично на него.

Э. Герек получал пенсии французскую и бельгийскую, последнюю – по инвалидности. Он прожил еще два десятилетия, умер 29 июля 2001 г. и похоронен в горняцком Сосновце. Две опубликованные в 1990 г. в форме интервью Я. Ролицкого с Герексом книги “Прерванная декада” и “Реплика”, а также воспоминания “Вкус жизни” (1993 г.) раскрывают процесс его становления как личности и как руководителя своей страны.

⁵⁶ Ibid., s. 246.

⁵⁷ *Rolicki J.* Edward Gierek: przerwana dekada, s. 211.

Э. Герек, конечно, много сделал для положительного развития Польши. При нем произошло открытие Польши миру. Была проведена модернизация экономики, построены и реконструированы 575 предприятий. Национальный доход в 1971–1980 гг. вырос на 85%, что позволило создать 2,2 млн. новых рабочих мест, обеспечить полную занятость и избежать безработицы. В 1971–1978 гг. было построено более 2,2 млн. квартир. Политический режим стал весьма либеральным. Усилился социальный характер государства, в котором более 90% населения были охвачены медицинским и пенсионным страхованием.

Вместе с тем руководством ПОРП во главе с Герекком были совершены серьезные ошибки в управлении страной. В первую очередь это касается социально-экономической политики: повышение жизненного уровня населения опережало рост производительности труда, резко возросла задолженность страны западным странам, осуществлялось огромное капитальное строительство, на что требовались большие бюджетные денежные средства и т.д. В итоге во второй половине 1970-х годов снизился жизненный уровень населения, в экономике наблюдалась стагнация, в обществе нарастало недовольство проводимой политикой и всей общественной системой. Активизировалась политическая оппозиция, по отношению к которой властями поводилась примирительная политика. Внутри руководства ПОРП шла подковерная борьба за власть. В конце 1970-х годов недовольство политикой Герека достигло критической точки не только среди населения, но и в партийном аппарате, в силовых структурах. Новый общественный конфликт становился неизбежным, и Гереку пришлось покинуть свой пост.